

СООТНОШЕНИЕ ПРАВОВЫХ ПРЕЗУМПЦИЙ И ИНЫХ СРЕДСТВ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

Представлен сравнительный анализ правовых презумпций и иных средств юридической техники: фактических презумпций, преюдиций, правовых принципов, правовых аксиом и правовых фикций, позволяющий их разграничить, определить природу, а также функции и значение в праве для эффективного использования в процессе правового регулирования. Сделан вывод об их тесной взаимосвязи и наличии у каждого из них специфических свойств, при этом все они способствуют нормальному судопроизводству.

Ключевые слова: правовая презумпция; фактическая презумпция; преюдиция; правовой принцип; аксиома; правовая фикция.

В переводе с латыни «презумпция» (*praesumptio*) означает «предполагаю», «ожидаю».

Существует множество определений правовых презумпций.

Одним из самых известных является определение В.К. Бабаева, который полагает, что правовая презумпция – это «закрепленное в нормах права предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными и подтвержденное предшествующим опытом» [1. С. 91].

Основными признаками правовых презумпций являются следующие:

1. Вероятность предположения, заключенного в презумпции и вытекающего из ее основания, т.е. из фактических данных. При этом степень вероятности может быть различной в зависимости от вида презумпции.

2. Нормативность (презумпция, как исходная логико-юридическая конструкция включается в «тело» правовой нормы, обязательность которой устанавливается законодателем [2. С. 218]).

3. Механизм реализации, который проявляется путем закрепления определенных юридических фактов, состояний, правоотношений без специальных доказательств.

4. Возможность опровержения (отменительный механизм). Предположение действует, пока не доказано иное.

5. Инструментальная ценность (регулирование общественных отношений).

6. Охрана различных интересов (целевая составляющая).

Перейдем к непосредственному предмету нашей статьи.

Начнем рассмотрение данного вопроса с соотношения правовых и фактических презумпций.

Под фактической презумпцией понимается презумпция, не закрепленная в нормах права [3. С. 95].

По мнению Ю.А. Серикова, с точки зрения определенности терминов фактическую презумпцию правильнее было бы именовать общим предположением в сфере права. Не имея нормативного закрепления в строгом смысле, она не может именоваться презумпцией. Однако в связи с тем, что термин «фактическая презумпция» имеет в науке давнюю традицию, он считает возможным использовать его, при этом заме-

чая, что термины «фактическая презумпция» и «общее предположение» в сфере права равнозначны и не охватываются понятием правовой презумпции [4. С. 15].

Достоверность фактической презумпции подтверждается здравым смыслом и практическим опытом. Юридического значения такая презумпция не имеет и используется в качестве мотива либо основания закрепления правовой нормы, а также для логического обоснования правоприменительного акта [5. С. 160].

Например, суд, рассматривая спор о каком-либо юридическом действии, изначально исходит из фактического предположения о том, что действие совершено лицом в нормальном состоянии.

Однако не все авторы соглашаются с указанным значением фактических презумпций.

Так, М.С. Строгович [6. С. 185], Ю.М. Грошевой [7. С. 108], В.А. Ойгензихт [8. С. 18], О.В. Баулин [9. С. 215] и другие отрицают их существование, не признают за фактическими презумпциями какой-либо роли в праве.

Данная точка зрения представляется необоснованной, так как фактические презумпции, как и правовые, позволяют компенсировать недостаток фактической информации и являются средством правового регулирования.

Сторонники существования фактических презумпций классифицируют их по различным основаниям.

В зависимости от соответствия действительности Л.В. Васильев делит фактические презумпции на действительные и мнимые. Существование действительных презумпций, согласно его позиции, связано с использованием знаний, нашедших закрепление в общих и частных законах развития общества, природы и мышления. Мнимый характер презумпция может приобретать в случаях, когда те или иные суждения абсолютизируются, являются преждевременными или правдоподобными либо рассматриваются в отрыве от других доказательств (например, если человек волнуется во время допроса, это далеко не всегда свидетельствует о том, что он что-то скрывает; присутствие на месте преступления еще не доказывает, что человек его совершил, и т.д.) [3. С. 96].

А.В. Федотов делит фактические презумпции на поисковые и оценочные. Фактическая поисковая презумпция ориентирована на источник информации. Ее значение состоит в том, что от какого-то источника (человека или предмета) можно получить интересую-

щую информацию. Поисковые фактические презумпции в свою очередь делятся по степени вероятности на высоковероятные, средневероятные, маловероятные.

Оценочная фактическая презумпция, как следует из ее названия, ориентирована на оценку получаемой от источника информации [10. С. 48–49]. Оценочные презумпции также имеют свое внутреннее деление. В зависимости от источника, на основании которого формируются оценочные презумпции, они делятся на презумпции, выведенные на основании здравого смысла и жизненного опыта человека, и на презумпции, которые опираются на выводы научных исследований в области криминалистики, социальной и юридической психологии, психиатрии (например, презумпция наличия у акцентуированной личности истероидно-демонстративного типа психологической установки на ложь и утаивание информации).

По своей обоснованности оценочные презумпции делятся на обоснованные, необоснованные и на те, вопрос об обоснованности которых субъект доказывания самостоятельно решить не может [11. С. 87].

Чтобы определить соотношение фактических и правовых презумпций, рассмотрим их общие и отличительные черты.

Общими чертами данных презумпций являются:

1. Обобщение предшествующего опыта развития общественных отношений, позволяющее с определенной долей вероятности предположить, какие факты, обстоятельства, события будут иметь место в данном конкретном случае.

2. Одинаковая логическая структура (опровержимые презумпции строятся через частноутвердительное суждение, которое в общем виде без учета степени вероятности имеет вид «Только некоторое S есть P» [12. С. 70–71]).

3. Необходимость применения в правотворчестве и правореализации.

Рассматриваемые презумпции характеризуются следующими отличиями:

1. Правовая презумпция закреплена в правовой норме, а фактическая – не имеет нормативного закрепления и существует только в сознании законодателя или правоприменителя, в научных исследованиях и других неофициальных источниках.

2. Правовые презумпции опровергаются в установленном законом порядке в соответствии с процессуальной формой. Процесс опровержения или подтверждения фактических презумпций происходит «автоматически» в результате обнаружения новых фактов, выяснения той или иной достоверной информации. Часто этот процесс не выходит за рамки сознания правоприменителя.

3. Наряду с опровержимыми правовыми презумпциями существуют неопровержимые правовые презумпции, опровержение которых законом не допускается в целях охраны определенных интересов и сохранения общественного порядка, а все фактические презумпции могут быть опровергнуты при помощи новых фактов, соответствующих действительности.

4. Правовая презумпция непосредственно регулирует общественные отношения, так как имеет нормативное закрепление, а фактическая – опосредованно, так как не несет юридических последствий, а исполь-

зуется законодателям в качестве основания для принятия правовой нормы, а правоприменителем – в качестве логического приема мышления для формирования своего убеждения [5. С. 162–163].

Таким образом, фактические презумпции близки к правовым презумпциям по своей социальной и логической природе, а отличаются от них главным образом отсутствием юридической стороны.

Теперь рассмотрим соотношение правовых аксиом и правовых презумпций.

Правовые аксиомы – это идеальные явления, относящиеся к различным плоскостям правовой действительности: к праву, правосознанию и правовой науке, представляющие собой положения, концентрированно выражающие социально-правовой опыт, принимаемые как истины (абсолютные или относительные) в целях упрощения процесса правового регулирования и решения научных задач, обеспечивающие преемственность в праве и объективируемые в различных формах в зависимости от принадлежности их к определенным группам [13. С. 43].

Правовые аксиомы выполняют следующие функции [14. С. 125–126]:

- регулятивную (находят свое выражение в нормах права);

- ориентационную (устанавливают только самые общие правила);

- оценочную (так как аксиомы представляют собой результат практической деятельности, в ходе которой отдельные действия оценивались с точки зрения их полезности, целесообразности для решения жизненных ситуаций, они могут быть использованы как «мерила ценности», служить основанием для определения, содержание каких норм расходится с аксиомами, допустимо ли существующее расхождение, нуждается ли оно в устранении или, наоборот, обеспечивает дальнейшее развитие права);

- компенсационную (при отсутствии нормы, подлежащей применению в конкретном случае, позволяет решить вопрос по аналогии права);

- информационно-образовательную (играют большую роль в процессе усвоения людьми знаний о праве и особенностях правового регулирования);

- дидактическую (аксиомы выступают в качестве структурного элемента при анализе юридических текстов, построении особой логики восприятия событий и фактов, их описания и квалификации, их конкретного социального проявления, имеющего юридические последствия [15. С. 12–13], в них ярко проявляются особенности юридического языка: его лаконичность, ясность, недвусмысленность);

- стимулирования творческой деятельности (факт придания какому-либо положению статуса устоявшегося, очевидного и истинного служит мощным импульсом для проверки его на прочность, выдвижения новых идей и обоснования новых постулатов);

- теоретико-методологическую (выступают в качестве ступени философско-логического анализа права к самой науке о праве);

- технико-юридическую (используются в качестве приёма юридической техники, позволяющего рационализировать терминологию);

– интерпретационную (объясняют содержание правовых норм в соответствии с логикой права).

В функциях правовых аксиом проявляется и их ценность. Они несут в себе и ценность «в составе права» как его элемент, фрагмент; обладают эстетической ценностью, представляют историческую ценность и, несомненно, методологическую ценность. [16. С. 30].

Соотношение правовых презумпций и правовых аксиом характеризуется наличием у них общих и отличительных черт.

Общее у этих категорий то, что они:

1) складываются в результате накопления опыта, обобщения типичных повторяющихся общественных отношений и связей [5. С. 161];

2) обеспечивают не только эффективность, но и справедливость, целесообразность права, поддержание его нравственных основ [17. С. 11].

Правовые презумпции и правовые аксиомы отличаются друг от друга тем, что:

1. Аксиома – это истинное суждение (по крайней мере, истинность ее не подвергается сомнению в рамках господствующей правовой парадигмы), а презумпция считается истинной, пока не доказано иное.

2. Аксиома не требует доказательств, а для начала действия презумпции нужно представить доказательства, подтверждающие факт-основание данной презумпции.

3. Правовые аксиомы в силу своей очевидности существуют даже будучи не закрепленными в нормативно-правовом акте, а правовые презумпции существуют только тогда, когда имеют нормативное закрепление.

Существует мнение, что в силу тесной взаимосвязи презумпций и аксиом при определенных условиях возможно их взаимозамещение.

П.С. Баринев и А.А. Воронников приводят следующий пример.

В истории развития уголовного права весьма длительное время положение «нет преступления без наказания» носило аксиоматический характер. Затем последовали внедрение в практику условного осуждения и развитие института освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, что постепенно ослабило связь преступления и наказания. В итоге произошедших изменений в сфере нормотворчества и правоприменения рассматриваемое положение утратило свою аксиоматичность и приобрело вероятностный характер презумпции [18. С. 16–17].

О возможности обратного процесса (т.е. о приобретении правовой презумпцией статуса правовой аксиомы) пишет М.Л. Давыдова. При этом, по ее мнению, с юридической точки зрения они не утрачивают свой предположительный характер, но их социальное обоснование становится общепризнанным, само собой разумеющимся. Подобными аксиоматическими презумпциями становятся лишь те из них, в которых наиболее явно выражено нравственное, гуманистическое содержание [5. С. 160].

Данную точку зрения разделяет А.В. Масленников. В числе презумпций, получивших статус право-

вых аксиом, называет три: презумпцию знания закона, презумпцию истинности вступившего в законную силу приговора суда и презумпцию невиновности [13. С. 23].

Перейдем к рассмотрению соотношения правовых презумпций и правовых принципов.

Правовые принципы – это выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие его содержание, основы, закрепленные в нем закономерности общественной жизни [19. Т. 1. С. 98].

К проблеме соотношения их с правовыми презумпциями существуют два подхода.

Согласно первому из них некоторые презумпции обладают свойствами принципов права.

По мнению О.А. Кузнецовой, такими свойствами являются:

– способность отражать сущность права в целом или отдельной отрасли;

– развитие содержания презумпции в нормах данной отрасли;

– использование презумпции в качестве ориентира в применении и толковании правовых норм [17. С. 11].

В.К. Бабаев выделяет общеправовые, межотраслевые и отраслевые презумпции и относит их к соответствующим принципам права (общеправовым, межотраслевым, отраслевым) и презумпции как средства юридической техники, еще не достигшим уровня презумпций-принципов [20. С. 328].

М.П. Пронина также считает, что нет препятствий тому, чтобы принцип права был сформулирован в виде презумптивной нормы. Важно, чтобы эта норма содержала признаки принципов права, распространяла свое содержание (дух) на другие нормы. В качестве примера она приводит презумпции невиновности, разумности, добросовестности и презумпцию вины в гражданском праве [21. С. 34].

Согласно второму подходу нельзя отождествлять и смешивать данные понятия, так как они разные. Презумпция отличается от принципа масштабностью охвата юридической системы и своим происхождением [22. С. 123–125].

Данную точку зрения разделяет А.Н. Бякова, рассматривая соотношение презумпции добросовестности и принципа добросовестности. Она пишет, что принцип и презумпция добросовестности неразрывно связаны – они являются социальными и правовыми регуляторами, имея при этом множество различий. Они имеют различное происхождение и охват применения. Принцип добросовестности обязывает участников гражданского оборота быть добросовестными при осуществлении прав и исполнении обязанностей, а презумпция предполагает их добросовестность, пока не доказано обратное. Принципы более фундаментальны, тогда как презумпции действуют лишь в отношении конкретных участников гражданского оборота. Ряд презумпций могут играть значительную роль в праве, что сближает их с принципами права. При этом презумпции сохраняют свое особенное значение в правовой системе [23. С. 21].

М.Л. Давыдова справедливо замечает, что использование понятия «принцип невиновности обвиняемого» не является целесообразным, так как оно может

быть интерпретировано как утверждение о невиновности обвиняемого. В то же время суть рассматриваемого правового средства состоит как раз в том, что обвиняемый не обязательно является, но считается предполагается невиновным [5. С. 159].

Исходя из этого, второй подход по данному вопросу представляется более убедительным, так как более точно отражает суть правовых презумпций и правовых принципов.

Рассмотрим их сходства и отличия.

Общее у правовых презумпций и правовых принципов следующее:

1. Они являются социальными и правовыми регуляторами.

2. Имеют схожий механизм действия.

Правовой принцип всегда представляет собой основополагающее правило, общую идею, выражающую суть правового регулирования определенной сферы общественных отношений. При этом достаточно часто действие принципа предполагает исключения.

Например, ст. 25 Конституции РФ гласит: «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения» [24], согласно ч. 2 ст. 36 Конституции РФ «владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц», в соответствии с ч. 2 ст. 23 Конституции РФ «каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения», согласно п. 1 ст. 421 ГК РФ «граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Понуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена Гражданским кодексом, законом или добровольно принятым обязательством» [25].

Эти исключения установлены законом, как и в случае опровержимой презумпции. Существуют принципы, из которых законом не допускается исключений (например, принцип независимости судей – ст. 120 Конституции РФ), как не допускается законом опровержение некоторых презумпций, называемых неопровержимыми.

Отличия правовых принципов от правовых презумпций:

1. Правовые принципы обеспечивают согласованность всех предписаний нормативного акта, его концептуальное единство [26. С. 118], а правовые презумпции призваны оформлять узкоспециальные, частные процессы и явления [27. С. 566–567].

2. Для начала действия правовой презумпции необходимо доказать факт-основание данной презумпции, а принцип действует без доказательств.

3. Правовые принципы служат непосредственным правовым основанием для разрешения дел в порядке применения аналогии права при регулировании отношений, прямо не предусмотренных законом, а пра-

вовые презумпции способствуют разрешению дела по существу, восполняя в конкретных отношениях недостающее юридически значимое явление его моделью [28. С. 75].

Теперь рассмотрим соотношение правовой презумпции и преюдиции.

Согласно пп. 2–5 ст. 61 ГПК РФ преюдициальные обстоятельства – это такие обстоятельства, которые установлены вступившими в законную силу постановлением или приговором суда, а также решением арбитражного суда по ранее рассмотренным делам либо подтвержденные нотариусом при совершении нотариального действия и не подлежащие повторному доказыванию [29].

Преюдициальность имеет свои субъективные и объективные критерии, которые должны быть в совокупности [30. С. 326].

Субъективный критерий проявляется в том, что факты, установленные по одному делу, не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при рассмотрении другого дела, в котором участвуют те же лица.

Например, если лицу было отказано в признании его третьим лицом, заявляющим самостоятельные требования относительно предмета спора, и оно затем предъявило эти требования в отдельном судебном процессе, факты, установленные судебным решением по делу, в котором оно не участвовало, не будут преюдициальными и поэтому могут быть оспорены им.

Объективные пределы преюдициальности относятся к фактам, установленным вступившим в законную силу постановлением, решением или приговором суда, а также к условиям, при которых обстоятельства, подтвержденные нотариусом при совершении нотариальных действий, не подлежат доказыванию.

Для преюдициальности решений и приговоров суда, а также обстоятельств, подтвержденных нотариусом при совершении нотариальных действий, определены разные объективные пределы.

«Вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого состоялся приговор суда, только по вопросам, имело ли место это действие, совершено ли оно этим лицом» согласно п. 4 ст. 61 ГПК РФ. Размер же причиненного вреда конкретному истцу подлежит установлению в гражданском судопроизводстве, например при предъявлении гражданского иска из уголовного дела. При рассмотрении гражданского дела не подлежит вторичному установлению факт совершения преступления лицом, осужденным приговором суда. Однако истцы обязаны представить доказательства размера причиненного им вреда [Там же. С. 327].

«Факты, установленные вступившим в законную силу судебным постановлением или решением арбитражного суда по ранее рассмотренному делу, не доказываются вновь при разбирательстве других дел, в которых участвуют те же лица» согласно п. 2, 3 ст. 61 ГПК РФ.

Например, при рассмотрении регрессного иска суд не будет вновь доказывать обстоятельства, установленные при разрешении первоначального иска.

«Вступившее в законную силу решение суда общей юрисдикции по гражданскому делу обязательно для арбитражного суда, рассматривающего другое дело, по вопросам об обстоятельствах, установленных решением суда общей юрисдикции и имеющих отношение к лицам, участвующим в деле» [31] согласно п. 3 ст. 69 Арбитражного процессуального кодекса РФ.

«Обстоятельства, подтвержденные нотариусом при совершении нотариального действия, не требуют доказывания, если подлинность нотариально оформленного документа не опровергнута доказательствами его подложности или не установлено существенное нарушение порядка совершения нотариального действия» согласно п. 5 ст. 61 ГПК РФ.

Исходя из этого, рассмотрим общие и отличительные черты правовой презумпции и преюдиции.

Общим у них являются:

1. Необходимость определенных условий для начала действия.

Для правовой презумпции таковыми являются доказательства ее факта-основания, а для преюдиции – совокупность объективных и субъективных критериев, рассмотренных выше.

2. Возможность опровержения, так как преюдиция основывается на опровержимой презумпции истинности решения суда, вступившего в законную силу, которая может быть опровергнута путем его отмены или изменения в установленном законом порядке.

Отличия они имеют следующие:

1. Преюдициальные факты не входят в предмет доказывания, а одной из функций правовой презумпции является определение фактов предмета доказывания.

2. Выполняемые специфические функции.

Преюдиции позволяют избежать вынесения противоречащих друг другу судебных постановлений по одним и тем же вопросам, а правовые презумпции выполняют функцию охраны различных интересов лиц, поставленных в более трудные условия доказывания.

Дискуссионным является вопрос соотношения правовых презумпций и правовых фикций.

Правовая фикция – это применяемый в праве технико-юридический прием, которым несуществующее положение (отношение) объявляется существующим и приобретает обязательный характер в силу закрепления его в правовой норме [32. С. 28].

Основные признаки правовых фикций:

1. Объект регулирования – обстоятельства, находящиеся в состоянии невосполнимой неизвестности [33. С. 9] (например, день и момент смерти гражданина, объявленного умершим, – п. 3 ст. 45 ГК РФ) [25].

2. Замещение юридических фактов в случаях, когда динамика правовых отношений ожидает наличия факта, а реальная действительность допускает пробел [34. С. 17].

Вместе с тем указанные признаки присущи не всем правовым фикциям, так как многие фикции семейного, уголовного, гражданского права (некоторые из которых будут рассмотрены нами ниже) регулируют реально существующие и известные обстоятельства.

Исходя из этого, можно выделить следующий признак правовых фикций:

3. Намеренно деформирующий характер (искусственное уподобление или приравнивание понятий и обстоятельств, различных или даже противоположных в действительности; признание реальными несуществующих обстоятельств и отрицание существующих (например, запись усыновителей родителями ребенка); признание существующими обстоятельств и ситуаций до того, как они стали существовать на самом деле или возникли позже, чем это было в действительности (например, изменение даты рождения усыновленного ребенка) [Там же. С. 18].

4. В большинстве случаев императивны, хотя встречаются и диспозитивные фикции (например, диспозитивными являются фикция, закрепляющая возможность изменения даты и места рождения усыновленного ребенка (п. 1 ст. 135 СК РФ), и фикция, закрепляющая возможность записи усыновителей в качестве родителей усыновленного ребенка (п. 1 ст. 136 СК РФ [35])).

5. Неопровержимость.

Логическая формула фикций представляет собой общеотрицательное суждение «ни одно S не есть P» [4. С. 21].

Исходя из этого, представляется неубедительной позиция ученых (таких как М.А. Гурвич [36. С. 10], В.А. Федотов [10. С. 52], М.Л. Давыдова [5. С. 166] и др.), отождествляющих правовые фикции и неопровержимые презумпции, так как неопровержимые презумпции обладают степенью вероятности, в отличие от фикций, заведомо не соответствующих действительности.

Фикции можно разделить на два вида: теоретические и нормативные.

Теоретические фикции являются частью правовой доктрины и не выступают самостоятельными регуляторами. Независимо от факта закрепления в нормативно-правовом акте они не устанавливают правил, а предполагают наличие допущения в самом понятии, поэтому их условно можно назвать понятийными (например, «юридическое лицо»).

Нормативные фикции – это правовые положения, закрепленные в законе в виде отдельных регулятивных нормативных предписаний [37. С. 115], которые подразделяются на материально-правовые и процессуально-правовые фикции.

Целью материально-правовых фикций является обеспечение нормального развития общественных отношений, преодоление состояния неопределенности, невосполнимости тех или иных фактов либо информации о них [34. С. 20], а также защита различных интересов лиц, указанных в законе.

В качестве примеров можно привести гражданско-правовую фикцию, закрепленную в п. 2 ст. 1114 ГК РФ: «Граждане, умершие в один и тот же день, считаются в целях наследственного правопреемства умершими одновременно и не наследуют друг после друга, если момент смерти каждого из таких граждан установить невозможно» [38]; уголовно-правовую фикцию, закрепленную ч. 5 ст. 34 УК РФ: «В случае недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам остальные соучастники несут уголовную ответственность за при-

готовление к преступлению или покушение на преступление. За приготовление к преступлению несет уголовную ответственность также лицо, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления» [39]; семейно-правовую фикцию, закрепленную в п. 1 ст. 135 СК РФ: «Для обеспечения тайны усыновления по просьбе усыновителя могут быть изменены дата рождения усыновленного ребенка, но не более чем на три месяца, а также место его рождения» [35].

Процессуально-правовые фикции призваны преодолевать процессуальную недисциплинированность сторон, сокращать ход и объем производства по делу, экономить силы судей, смягчать процессуальные формальности. Без них правильное и справедливое рассмотрение и разрешение дела часто бывают невозможными [34. С. 21].

В качестве примеров можно привести гражданско-процессуальную фикцию, закрепленную в ст. 118 ГПК РФ: «При отсутствии сообщения от лица, участвующего в деле, о перемене своего адреса судебная повестка или иное судебное извещение посылаются по последнему известному суду месту жительства или месту нахождения адресата и считаются доставленными, хотя бы адресат по этому адресу более не проживает или не находится»; арбитражно-процессуальную фикцию, закрепленную в пп. 1, пп. 2, пп. 3 п. 4 ст. 123 АПК РФ: «Лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса также считаются извещенными надлежащим образом арбитражным судом, если: адресат отказался от получения копии судебного акта и этот отказ зафиксирован организацией почтовой связи или арбитражным судом; несмотря на почтовое извещение, адресат не явился за получением копии судебного акта, направленной арбитражным судом в установленном порядке, о чем организация почтовой связи уведомила арбитражный суд; копия судебного акта не вручена в связи с отсутствием адресата по указанному адресу, о чем организация почтовой связи уведомила арбитражный суд с указанием источника данной информации»; уголовно-процессуальную фикцию, закрепленную в п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ: «Уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению в случае истечения сроков давности уголовного преследования» [40].

Представляется возможным также деление правовых фикций, исходя из способа их закрепления на прямые и косвенные.

Об этом же говорит в своей статье Н.Н. Ковтун [41. С. 231].

Приведем примеры.

Фикция «Граждане, умершие в один и тот же день, считаются в целях наследственного правопреемства умершими одновременно и не наследуют друг после друга, если момент смерти каждого из таких граждан установить невозможно» является прямой, а фикция «В случае недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление. За приготовление к преступлению несет уголовную ответственность также лицо, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления» – косвенной, так как может быть выведена путем толкования правовой нормы.

В данном случае законодатель исходит из фиктивного положения о том, что действия организатора, подстрекателя и пособника при недоведении преступления до конца носят неоконченный характер. Фактически же они выполняют все действия, необходимые для завершения исполнителем преступления [42. С. 65].

Таким образом, общими чертами правовых фикций и правовых презумпций являются:

1. Необходимость наличия определенных условий, указанных в законе для начала действия.
2. Возможность проведения классификации по одинаковым основаниям.

Отличительными чертами являются:

1. Фикции неопровержимы, а презумпции опровергаются в случаях, установленных законом.
2. Фикции по своей природе ложны, а презумпции обладают степенью вероятности.

Таким образом, правовые презумпции находятся в тесной взаимосвязи с иными средствами юридической техники. Все они выполняют функцию процессуальной экономии и способствуют быстрому и правильному разрешению дела по существу, обладая при этом специфическими свойствами, обусловленными их природой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаев В.К. Теория современного советского права: фрагменты лекций и схемы. Н. Новгород, 1991. 156 с.
2. Каранина Н.С. Сущность правовой презумпции: определение понятия «презумпция» в современной теории права и российском законодательстве; признаки правовой презумпции // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 213–220.
3. Васильев Л.М. Фактические презумпции в советском уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1982. № 1. С. 95–99.
4. Сериков Ю.А. Презумпции в гражданском судопроизводстве / науч. ред. В.В. Ярков. М., 2008. 112 с.
5. Давыдова М.Л. Правовые презумпции в системе средств юридической техники // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 159–170.
6. Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М., 1947. 276 с.
7. Грошевой Ю.М. Проблемы формирования судейского убеждения в уголовном процессе. Харьков, 1975. 144 с.
8. Ойгензихт В.А. Презумпции в советском гражданском праве. Душанбе, 1976. 190 с.
9. Баулин О.В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. М., 2004. 272 с.
10. Федотов А.В. Понятие и классификация доказательственных презумпций // Журнал российского права. 2001. № 4. С. 45–55.
11. Федотов А.В. Использование оценочных презумпций в процессе доказывания // Журнал российского права. 2002. № 5. С. 87–96.
12. Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика : учеб. для юрид. вузов. Изд-е 5-е, перераб. и доп. М. : Юристъ, 1999. 256 с.
13. Масленников А.В. Правовые аксиомы : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 151 с.
14. Масленников А.В., Водяникова Е.В. Правовые аксиомы: ценность, функции // Вестник КРАГСИУ. Серия «Государство и право». 2014. № 17. С. 124–127.
15. Графский В.Г. Всеобщая история права и государства : учеб. для вузов. М., 2000. 744 с.

16. Ференс-Сороцкий А.А. Аксиомы в праве // Правоведение. 1988. № 5. С. 27–31.
17. Кузнецова О.А. Презумпции в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 217 с.
18. Воротников А.А., Баринов П.С. К вопросу о жизнеспособности правовых категорий и аксиом // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 6. С. 11–17.
19. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1981. Т. 1. 355 с.
20. Бабаев В.К. Презумпции в российском праве и юридической практике. Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 328–329.
21. Пронина М.П. Презумпции и принципы в праве: вопросы соотношения // Юридический мир. 2010. № 5. С. 32–36.
22. Тарусина Н.Н. Семейное право : учеб. пособие. М., 2001. С. 144.
23. Бякова А.Н. Соотношение принципа и презумпции добросовестности // Вестник научных конференций. 2016. № 2–3 (6). С. 19–22.
24. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (ред. от 21.07.2014.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
25. Гражданский кодекс РФ от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ГК РФ) (Часть первая) (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
26. Иванов Р.Л. О понятии принципов права // Вестник Омского университета. 1996. № 2. С. 115–118.
27. Баранов В.М. «Юридическая техника»: актуальное теоретико-прикладное и дидактическое издание // Юридическая техника. 2009. № 3. С. 560–567.
28. Булаевский Б.А. Классификация правовых презумпций // Журнал российского права. 2010. № 11. С. 74–83.
29. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ГПК РФ) (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
30. Гражданский процесс : учеб. / под ред. В.В. Яркова. 5-е изд. М. : Волтерс Клувер, 2004. 687 с.
31. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (АПК РФ) (ред. от 23.06.2016) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
32. Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. 124 с.
33. Панько К.К. Фикции в уголовном праве (в сфере законотворчества и правоприменении) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 1998. 12 с.
34. Давыдова М.Л. Проблемы понятия и классификации правовых фикций // Вестник ВолГУ. 2009. № 11. С. 17–23.
35. Семейный кодекс РФ от 29.12.1995. № 223-ФЗ (СК РФ) (ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
36. Гурвич М.А. Доказательственные презумпции в советском гражданском процессе // Советская юстиция. 1968. № 12. С. 8–10.
37. Данилова Е.С. К вопросу о понятии, классификации и значении юридических фикций // Юридическая наука. 2014. № 3. С. 112–118.
38. Гражданский кодекс РФ от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ГК РФ) (Часть третья) (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
39. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (УК РФ) (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
40. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001. № 174-ФЗ (УПК РФ) (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
41. Ковтун Н.Н. Презумпции и фикции уголовно-процессуального права России: технология осознанной лжи // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 231–235.
42. Ситникова А.И. Фикции в уголовном праве // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 1. С. 60–67.

Статья представлена научной редакцией «Право» 11 июля 2017 г.

THE RATIO OF LEGAL PRESUMPTIONS AND OTHER TOOLS OF THE LEGAL METHOD

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 226–233.

DOI: 10.17223/15617793/424/32

Olesya E. Zatsepina, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: zatsepina.olesya@yandex.ru

Keywords: legal presumption; factual presumption; prejudice; legal principle; axiom; legal fiction.

The aim of the research is to identify common and distinctive features of legal presumptions and other tools of the legal method. The author uses logical and functional analysis, synthesis, formal-legal methods in the research. The subject of the research is tools of the legal method: legal presumptions, factual presumptions, prejudice, legal principles, legal axioms and legal fictions. The object of the research is properties of legal presumptions compared to other tools of the legal method. The theoretical basis of the research is works of Russian scholars in the field of legal theory (Yu.A. Serikov, M.L. Davydova and others). Legal presumption is a presumption, enshrined in the legal norms, of the presence or absence of legal facts based on the relations between them and real facts confirmed by previous experience. Factual presumption is a presumption not enshrined in the law. Factual presumptions are similar to legal presumptions in their social and logical nature but different mainly in the absence of the legal aspect. Similarities between legal presumptions and legal axioms are that (1) they are formed as a result of accumulation of experience; (2) they provide for the righteousness of the law. Differences between axioms and presumptions are that (1) their truthfulness is not in doubt; (2) they do not require proofs; (3) they can exist without being enshrined in the law. Similarities between legal principles and legal presumptions are that (1) they are social and legal regulators; (2) they have similar mechanisms of action. Differences between them are that (1) principles work without proofs; (2) they have different scopes of action. Prejudicial circumstances are circumstances established by the decision of the court or confirmed by a notary, they are not to be re-proved in cases provided by the law. Similarities between prejudicial circumstances and legal presumptions are that (1) they need certain conditions to start action; (2) they are refutable. Differences between them are (1) in their connection to the subject of proof; (2) in their functions. Similarities between fictions and presumptions are that (1) they need certain conditions provided by the law to start action; (2) they can be classified on the same bases. Differences between them are that (1) all fictions are irrefutable; (2) fictions are false by their nature, but presumptions have a degree of probability. Thus, legal presumptions are closely interrelated with other tools of the legal method but they all have different properties.

REFERENCES

1. Babaev, V.K. (1991) *Teoriya sovremennogo sovetskogo prava: fragmenty lektsiy i skhemy* [The theory of modern Soviet law: fragments of lectures and diagrams]. N. Novgorod: Izd-vo Nizhegor. VSh MVD RSFSR.
2. Karanina, N.S. (2010) Sushchnost' pravovoy prezumptsiy: opredelenie ponyatiya "prezumptsiya" v sovremennoy teorii prava i rossiyskom zakonodatel'stve; priznaki pravovoy prezumptsiy [The essence of the legal presumption: the definition of the concept "presumption" in modern legal theory and Russian law; signs of legal presumption]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 4. pp. 213–220.

3. Vasil'ev, L.M. (1982) Fakticheskie prezumpitsii v sovetskom ugolovnom sudoproizvodstve [Actual presumptions in Soviet criminal justice]. *Pravovedenie*. 1. pp. 95–99.
4. Serikov, Yu.A. (2008) *Prezumpitsii v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Presumptions in civil litigation]. Moscow: Volters Kluver.
5. Davydova, M.L. (2010) Pravovye prezumpitsii v sisteme sredstv yuridicheskoy tekhniki [Legal presumptions in the system of means of legal method]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 4. pp. 159–170.
6. Strogovich, M.S. (1947) *Uchenie o material'noy istine v ugolovnom protsesse* [The doctrine of material truth in the criminal procedure]. Moscow: USSR AS.
7. Groshevoy, Yu.M. (1975) *Problemy formirovaniya sudeyskogo ubezhdeniya v ugolovnom protsesse* [Problems of formation of judge's conviction in criminal procedure]. Kharkov: Vishcha shkola.
8. Oygenzikht, V.A. (1976) *Prezumpitsii v sovetskom grazhdanskom prave* [Presumptions in Soviet civil law]. Dushanbe: Irfon.
9. Baulin, O.V. (2004) *Bremya dokazyvaniya pri razbiratel'stve grazhdanskikh del* [The burden of proof in civil cases]. Moscow: Gorodets.
10. Fedotov, A.V. (2001) Ponyatie i klassifikatsiya dokazatel'stvennykh prezumpitsiy [The concept and classification of evidentiary presumptions]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 4. pp. 45–55.
11. Fedotov, A.V. (2002) Ispol'zovanie otsenochnykh prezumpitsiy v protsesse dokazyvaniya [Use of evaluative presumptions in the process of proof]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 5. pp. 87–96.
12. Kirillov, V.I. & Starchenko, A.A. (1999) *Logika* [Logic]. 5th ed. Moscow: Yurist'.
13. Maslennikov, A.V. (2006) *Pravovye aksiomy* [Legal axioms]. Law Cand. Diss. Vladimir.
14. Maslennikov, A.V. & Vodyanikova, E.V. (2014) Pravovye aksiomy: tsennost', funktsii [Legal axioms: value, functions]. *Vestnik KRAGSIU. Seriya "Gosudarstvo i pravo"*. 17. pp. 124–127.
15. Grafskiy, V.G. (2000) *Vseobshchaya istoriya prava i gosudarstva* [General History of Law and State]. Moscow: Norma.
16. Ferens-Sorotskiy, A.A. (1988) Aksiomy v prave [Axioms in law]. *Pravovedenie*. 5. pp. 27–31.
17. Kuznetsova, O.A. (2001) *Prezumpitsii v grazhdanskom prave* [Presumptions in civil law]. Abstract of Law Cand. Diss. Ekaterinburg.
18. Vorotnikov, A.A. & Barinov, P.S. (2015) To the question of the viability of legal categories and axioms. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 6. pp. 11–17.
19. Alekseev, S.S. (1981) *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Vol. 1. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
20. Babaev, V.K. (2000) *Prezumpitsii v rossiyskom prave i yuridicheskoy praktike. Problemy yuridicheskoy tekhniki* [Presumptions in Russian law and legal practice. Problems of legal technology]. N. Novgorod: NYuI MVD Rossii.
21. Pronina, M.P. (2010) Prezumpitsii i printsipy v prave: voprosy sootnosheniya [Presumptions and principles in law: issues of correlation]. *Yuridicheskii mir*. 5. pp. 32–36.
22. Tarusina, N.N. (2001) *Semeynoe pravo* [Family Law]. Moscow: Prospekt.
23. Byakova, A.N. (2016) Sootnoshenie printsipa i prezumpitsii dobrosovestnosti [Correlation of principle and presumption of conscientiousness]. *Vestnik nauchnykh konferentsiy*. 2–3 (6). pp. 19–22.
24. Russian Federation. (2014) Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 g. (red. ot 21.07.2014.) [The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 (as amended on July 21, 2014)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 31. Art. 4398.
25. Russian Federation. (1994) Grazhdanskiy kodeks RF ot 30.11.1994 g. № 51-FZ (GK RF) (Chast' pervaya) (red. ot 03.07.2016) [The Civil Code of the Russian Federation of 30.11.1994 No. 51-FZ (Part One) (as amended on 03.07.2016)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 32. Art. 3301.
26. Ivanov, R.L. (1996) O ponyatii printsipov prava [On the notion of principles of law]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 2. pp. 115–118.
27. Baranov, V.M. (2009) "Yuridicheskaya tekhnika": aktual'noe teoretiko-prikladnoe i didakticheskoe izdanie [Yuridicheskaya tekhnika: a topical applied-theoretical and didactic edition]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 3. pp. 560–567.
28. Bulaevskiy, B.A. (2010) Klassifikatsiya pravovykh prezumpitsiy [Classification of legal presumptions]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 11. pp. 74–83.
29. Russian Federation. (2002) Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks RF ot 14.11.2002 № 138-FZ (GPK RF) (red. ot 03.07.2016) [The Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended on 03.07.2016)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 46. Art. 4532.
30. Yarkov, V.V. (ed.) (2004) *Grazhdanskiy protsess* [Civil Procedure]. 5th ed. Moscow: Volters Kluver.
31. Russian Federation. (2002) Arbitrazhnyy protsessual'nyy kodeks RF ot 24 iyulya 2002 g. № 95-FZ (APK RF) (red. ot 23.06.2016) [The Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002, No. 95-FZ (as amended on June 23, 2016)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 30. Art. 3012.
32. Babaev, V.K. (1974) *Prezumpitsii v sovetskom prave* [Presumptions in Soviet law]. Gorkiy: Izd-vo GVSh MVD SSSR.
33. Pan'ko, K.K. (1998) *Fiktsii v ugolovnom prave (v sfere zakonotvorchestva i pravoprimenenii)* [Fictions in the criminal law (in the field of law-making and law enforcement)]. Abstract of Law Cand. Diss. Yaroslavl.
34. Davydova, M.L. (2009) Problemy ponyatiya i klassifikatsii pravovykh fiktsiy [Problems of the concept and classification of legal fictions]. *Vestnik VolGU*. 11. pp. 17–23.
35. Russian Federation. (1996) Semeynyy kodeks RF ot 29.12.1995. № 223-FZ (SK RF) (red. ot 30.12.2015) [The Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 No. 223-FZ (as amended on 30.12.2015)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 1. Art. 16.
36. Gurvich, M.A. (1968) Dokazatel'stvennye prezumpitsii v sovetskom grazhdanskom protsesse [Evidentiary presumptions in the Soviet civil procedure]. *Sovetskaya yustitsiya*. 12. pp. 8–10.
37. Danilova, E.S. (2014) K voprosu o ponyatii, klassifikatsii i znachenii yuridicheskikh fiktsiy [On the concept, classification and significance of legal fictions]. *Yuridicheskaya nauka*. 3. pp. 112–118.
38. Russian Federation. (2001) Grazhdanskiy kodeks RF ot 26.11.2001 № 146-FZ (GK RF) (Chast' tret'ya) (red. ot 03.07.2016) [The Civil Code of the Russian Federation of 26.11.2001 No. 146-FZ (Part Three) (as amended on 03.07.2016)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 49. Art. 4552.
39. Russian Federation. (1996) Ugolovnyy kodeks RF ot 13.06.1996 № 63-FZ (UK RF) (red. ot 06.07.2016) [The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 06.07.2016)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 25. Art. 2954.
40. Russian Federation. (2001) Ugolovno-protsessual'nyy kodeks RF ot 18.12.2001. № 174-FZ (UPK RF) (red. ot 06.07.2016) [The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of December 18, 2001. No. 174-FZ (CCP RF) (as amended on 06.07.2016)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 52 (Pt. I). Art. 4921.
41. Kovtun, N.N. (2010) Prezumpitsii i fiktsii ugolovno-protsessual'nogo prava Rossii: tekhnologiya osoznannoy lzhi [Presumptions and fictions of the criminal procedure law of Russia: the technology of conscious lies]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 4. pp. 231–235.
42. Sitnikova, A.I. (2008) Fiktsii v ugolovnom prave [Fictions in criminal law]. *Leningradskiy yuridicheskii zhurnal*. 1. pp. 60–67.

Received: 11 July 2017